

разложенія (будто-бы) очевидны для всѣхъ. У правительства скоро не будетъ чиновниковъ. „Не говоря уже о явно презираемыхъ должностяхъ и положеніяхъ, — говоритъ Толстой ¹⁾, въ родѣ: шпионовъ, агентовъ тайной полиціи, ростовщиковъ (?), кабатчиковъ (!!), большое количество положеній насильниковъ, считавшихся прежде почетными, въ родѣ полицейскихъ, придворныхъ, судейскихъ, административныхъ, духовныхъ, военныхъ, откупщицкихъ (!), банкирскихъ (!), не только не считается всѣми желательнымъ, но уже осуждается *известнымъ* (?), наиболѣе *уважаемымъ* кругомъ людей (толстовцевъ?). Есть уже *люди* (?), которые добровольно отказываются отъ этихъ прежде считавшихся *безукоризненными* положеній (ростовщиковъ, кабатчиковъ, откупщиковъ?) и предпочитаютъ имъ менѣе выгодныя, но не связанныя съ насиліемъ положенія“. Если повѣрить словамъ Толстого, то положеніе государства представляется ужаснымъ. Но кто же повѣритъ тому, что онъ говоритъ? Вѣдь все это онъ насаждалъ только для того, чтобы какъ можно мрачнѣе представить то, что ему хочется видѣть мрачнымъ, но что въ дѣйствительности вовсе не таково. Въ дѣйствительности желающихъ служить на государственной службѣ такъ много, что государство положительно не знаетъ, что съ ними дѣлать. Образовалось даже довольно *странное* положеніе, о которомъ въ прежнее время было неслышно, — положеніе *кандидатовъ* на судебныя, полицейскія и другія должности. Молодые люди, получившіе высшее университетское образованіе, служатъ нѣсколько лѣтъ безъ всякаго вознагражденія, питаются лишь одною надеждою занять штатную должность въ будущемъ, и затѣмъ получаютъ мѣста, которыя прежде занимали люди малограмотные... Не успѣтъ освободиться какое-либо незavidное мѣстечко, прошенія о занятіи его поступаютъ десятками въ первый день. Обращаются къ *протекціямъ*, ходатайствамъ вліятельныхъ лицъ, даютъ обѣщанія, принимаютъ всевозможныя условія, лишь бы поступить на государственную службу... А Толстой увѣряетъ своихъ читателей, что государству никто служить не хочетъ...

1) Ч. II, стр. 83.